

А н д р е й Г р и ц м а н

« П Р И Р О Д А — Т О Т Ж Е Р И М »

Алексу Тарну

Начну с того, что мой друг-писатель в разговоре задал вопрос: почему ты больше любишь Рим, а не Венецию? Важно то, что друг-писатель петербуржец, как и Бродский, который сразу же утонул в чуде Венеции, — а я москвич. Врожденное происхождение привязанностей или даже любви. Для меня это весьма выраженные и сразу появившиеся чувства. То есть предпочтение, любовь к Риму. Так же, как много лет назад, попав в Израиль, и особенно в Иерусалим, я испытал это глубинное чувство принадлежности и впал в состояние, близкое к известному «иерусалимскому синдрому».

В Риме, как и в Израиле, особенно на средиземноморском высокогорье, история, душа места — не музейная. Она не изменилась, не покрылась наносными временными слоями.

История продолжается и сейчас: в напряжении в воздухе, скрипе камней и черепков под ногами, в тенях, прячущихся в закоулках, в обветшавшей охре Рима и в бликах на иерусалимском камне из древнего карьера.

Про красоту и чудо Венеции написано много, и немало — шедевров. Да и вся русская словесность, и живопись были «разбужены спозаранку» любовью к «каменной баранке». В нашу эпоху главным певцом Венеции является, конечно, Бродский. Но и кроме него длится плеяда российских «венецианцев», разного психотипа и очень разного уровня таланта. Но я — «римлянин», а не «венецианец».

Венеция — горизонтальная страна, более или менее разгороженная каналами и массивами дворцов. Гуляя по Венеции, все время попадаешь на ограничение канала, очаровательный, но сырой, зеленоватый тупик, и тогда постоянно приходится искать мост или станцию катера, чтобы куда-то еще попасть. Понятное дело, постоянно приходится избегать найденных туристских путей, по кото-

рым послушно идут толпы, создавая небольшие человеческие плотины у магазинчиков. Ты избегаешь этого, все чаще сворачивая в боковые переулки, и все время опасаясь уткнуться в тупики снова искать выход.

В отличие от Венеции, Рим — вертикальная и просторная страна. Смещение времен, стилей и холмы города лучше всего отражают его историческую природу: древний Рим, средневековье, изумительные жилые кварталы XIX века за Дворцом юстиции, имперская архитектура эпохи фашизма, прямая широкая аллея к площади Святого Петра. Все районы на холмах. Как-то пытался проехать Рим на велосипеде. Очень тяжело. За каждым поворотом несешь велосипед на руках. А вот на скутере — пожалуйста. Можно покрутиться по переулкам у Via Veneto, выскочить к Тибру, перемахнуть через мост и гнать вдоль реки к Трастевере и дальше — упоительно — наверх к Вилла Шиара, к обширным заросшим паркам на холмах. Все вверх и вниз. А потом встать у дальней траттории, где подает медлительная пожилая итальянка в стоптанных туфлях, а на стенах портреты футболистов «Рома» или «Лацио» — осторожно! это не смешивающиеся культуры!

Паста карбонара, римская баранина на кости со специями, с местным вином — и погнал дальше на Трастевере — другой, заречный мир. Здесь и дома пониже, и piazza поменьше, поуютнее, и через мостик Isola Tiberina, где можно передохнуть и выпить. На этом небольшом каменном острове поразительно хорошо сохранился старинный госпиталь Ospedale, основанный в XVI веке и действующий до сих пор. К вечеру небольшой внутренний двор заполняется больными в халатах, родственниками и друзьями. Все курят, покупают тут же в киоске кампари, аперол, эспрессо.

Рядом — знаменитый небольшой еврейский квартал Ghetto с кошерьными ресторанчиками — все столики на улице. В переулках до сих пор торчат заржавевшие столбы, ограничивающие вход (а главное, выход). В средние века евреям разрешалось выходить за пределы гетто только в определенные часы.

На набережной красивейшая и сравнительно новая центральная синагога, по периметру картинные карабинеры. Фуражки с высокими тульями, белые кобура и портупея. Сигарета.

Ghetto di Roma

У излучины Тибра — карабинеры.
Первый седер. Тяжкие символы веры
прикрывают сердца и свисают с плеча.
Безносые цезари и химеры
бесстрастно молчат.

Пятница. Словно замкнувшийся круг.
Вечереет. Пиццы волнующий дух
обещает и ноздри тревожит.
Солнце низко. Прохожие всё же зайдут,
всё реже, кто сможет.

Десять старцев.
Альцгеймеров полный синклит.
Колоннадой секретная служба стоит.
Опущены жалюзи к ночи.
Старуха бездомная у стены
в стене растворяется,
словно во сне
крестится и бормочет.

Потом, передохнув и выпив пива на ступенях заколоченной старинной часовни у реки в Трастевере, двинулись дальше в город, миная легендарную Сапро ди Fiore с Джордано Бруно в центре, раскинувшийся Колизей и Вилла Боргезе.

Колизей

Геометрия смерти.
Выжженный овал.
Губы камня.
Черствый хлеб.
Песнь ветра
летащего
к оливковым рощам памяти.
Переплетение, смещение.
Сумерки в долине.
Туристское месиво днем,

*каменное кладбище ночью.
Но в воздухе: соль
на земле Карфагена,
соль у Масады.
Тугие паруса
направленные в никуда.
Тупик. Цепные псы
мертвых Цезарей.
Сонная сиеста.
Италийские тени в каменном саду:
свежая паста,
древний рецепт соуса.
Нещадное солнце щедро жарит,
слепо плавит маску
на лице гида родом
из неизвестного
берберского племени,
в майке с именем Тотти.*

По дороге к Вилла Боргезе невозможно миновать Piazza di Spanga и рядом, за углом, любимую Via Margutta. Район площади Испании лучше всего отражает одновременно существующие миры в разных пространствах: внизу шумная площадь Испании, торговые улицы, лестница, ведущая в небо, в другой мир к роскошной Villa Medici. Под лестницей, в глубине — огромный сводчатый ресторан с обширным буфетом, принадлежащий неаполитанской Gomorra. Ресторан устроен так, будто сидишь на площади маленького старинного городка. Знакомый официант по секрету не рекомендует набирать морепродукты во второй половине дня. Прошло много часов с тех пор, как их доставили утром из Остии, говорит он. По-видимому, соображение, бытовавшее еще со времен древнего Рима, и это только обостряет чувство: в Риме ты не наблюдаешь историю, а живешь в ней.

Над площадью Испании — другой мир: вилла окружена тихими горбатыми переулками; маленькие уединенные Albergo с тяжелыми деревянными дверями и массивными бронзовыми ручками. А внизу начинается легендарная Via Margutta, единственная улица, которая *вся целиком* является официальным историческим памятником. Виллы с двориками, заросшими раскидистыми платанами, старин-

ная трагедия — и в самом конце дом, где жил Феллини с Джульеттой Мазина. Мастер выходил, поворачивал за угол и свободно вздыхал. Он не выносил запах дыма, а Джульетта курила, и это была одна из немногих проблем в их отношениях.

Вилла Боргезе — еще один отдельный мир: галерея, парк, заснувшие статуи по аллеям. Центр Рима, но как много здесь пустых закоулков, заросших полян перед полуразрушенными часовнями!

Боргезе

*Это место, где время остановилось.
Пахнет хвоей, платаны немногословны.
Дышит прекрасным склепом, а не глухой могилой.
Мысль ящерицей скользит, слава Богу, мимо
по камню, выжженному солнцем,
тронутому старой кровью.
Наконец я спокоен. Все со мной, и более,
дышу настоем лучшего, что осталось.
Этот отвар крепче, если настоян на боли,
но на вкус не скажешь — много ли, мало.
И когда отплываешь — навсегда остается
брат Бернини, друг ненаглядный, сестра Мария
и небосклон непередаваемо синий,
вода из глубин бесконечно льется, словно звучит
давно позабытое, но родное имя.*

А еще я мог бы ответить моему другу (которому и пытался рассказать, почему Рим, а не Венеция) — другими стихами: «Природа — тот же Рим и отразилась в нем. / Мы видим образы его гражданской мощи / В прозрачном воздухе, как в цирке голубом, / На форуме полей и в колоннаде рощи».

Что тут еще добавить?

●

*Давно я не был в Риме — ты права.
И тихой грустью пахнут те слова:*

Мел, плесень, охра, кофе на углу,
тень пиний, уплывающих во мглу.
Тот жаркий день в Боргезе в тупике,
Гниющий тлен в мелеющей реке.
Холм Капитолия в прохладной тишине
И письма на выжженной стене.
Все это ждет возврата на века
Пока не высохла усталая река.
Сухая кровь из-за морей зовет
Душа навстречу просится в полет.
Сквозь дым пространства, взятого в кредит,
на время в Рим вневременный летит.
Я узнаю проулки и дворы,
но город словно вышел из игры.
Вдоль Тибра улиц сонных череда,
где опустили ставни навсегда.

